

С точки зрения титулов разница между герцогом и графом может казаться значительной, но на практике их владения измеряются графствами. Граф, управляющий крупным графством, зачастую сильнее герцога, чьи земли раздроблены между множеством вассалов, что лишь ослабляет его власть.

Ярчайшим примером влиятельного графа, безусловно, был Рафаэль. Его род, Марчи, отвечал за охрану английских границ, и даже король не решался с ними ссориться. С такими либо не ссорятся вовсе, либо бьют наверняка, нанося смертельный удар. Третьего не дано: если противник выживет, король может легко пасть. Так и случилось при Вильгельме II, когда тогдашний граф Марч помог королеве-матери и Черному Принцу поднять мятеж.

В этом, пожалуй, и проявилась величайшая глупость Вильгельма II: он обожал наживать врагов, но в решающий момент колебался, не доводя дело до конца.

Потому-то Ричард II, будучи столь же непопулярным королём, оказался куда удачливее Вильгельма II. Все враги Ричарда II были мертвы, тогда как недруги Вильгельма II сплотились. Семья графа Марч ещё более укрепила свои позиции в годы правления королевы-матери. И даже когда Черный Принц взойшёл на престол и учинил над Марчами кровавую расправу, род этот не был уничтожен.

Черный Принц поступил мудрее: он поставил управлять землями Марчей своего друга, чтобы держать их под контролем, а затем возвёл на престол брата, дабы этот острый клинок навеки остался в руках короны.

Впрочем... э-э... нынешний Рафаэль уже не столь послушен.

Из-за этого Ричард II то и дело писал брату, жалуясь: «Вот такого ты мне в братья подобрал!»

Черный Принц же оставался слепым оптимистом: раз Рафаэль хорошо относится к Августу, значит, всё ещё считает их семьёй. А семейная сплочённость — главная добродетель для средневекового аристократа.

Кхм-кхм. Вернёмся к Августу и его тайному обществу.

Членами были люди знатные и влиятельные — им ли всерьёз воспринимать «игрушку» ребёнка?

— Именно, игрушку. Стоит тебе появиться, и для всех прочих общество превратится в твою минутную прихоть, — не будь у отца Джо и Джули долгой связи с Августом и необходимости в его покровительстве, они ни за что не согласились бы на такое.

— Вспомни, как я сама с тобой обходилась при первой встрече, — Джули привела самый наглядный пример — себя.

Довод звучал убедительно.

— Но если я не буду участвовать, как вы объясните все те случаи, где требуется моё имя?

Положение Августа в Лондоне позволяло ему многое, хотя причина крылась не столько в герцогском титуле, сколько в благосклонности короля, Рафаэля и Черного Принца. Никто не хотел досаждать Августу по мелочам — впрочем, что считать «мелочью», определяли его опекуны.

Главное же, что тайна общества держалась во многом благодаря уникальным вооружённым силам Августа. Это было не скрыть.

Отец Джо не ответил прямо, а лишь ткнул пальцем в свою грудь:

— А я кто?

— М-м? — Сперва Август не понял, но, подумав, уловил намёк. Отец Джо был его самым доверенным священником, и об этом знал весь Лондон. Насколько велика власть священника? Это зависело от того, насколько ему доверяет паства и сколь влиятельны сами верующие.

— Увидев нас с ней, никто не усомнится, откуда в обществе столько герцогского добра.

— А не спросят, почему я позволил вам этим распоряжаться?

Джули и отец Джо смущённо переглянулись и сказали в унисон:

— Причина та же. Мы не хотим тебя обманывать.

Вспомни, как титулярный епископ являлся к Августу за деньгами. На что он рассчитывал? Лишь на то, что тот был ребёнком.

— !!! — Подобное пренебрежение, разумеется, крепко задело Августа.

Отец Джо и Джули могли лишь утешать:

— Через это проходит едва ли не каждый аристократ. Кому повезло с живыми родителями — тем легче, а тем, кто рано осиротел, приходится несладко. Ты ещё неплохо устроился: хоть управляющий у тебя верный. Вспомни тех, кому приходится бороться даже с ближайшим окружением.

Рафаэль!

Август тут же о нём вспомнил.

Годы Рафаэля в замке Райзинг были поистине тяжкими. Что и говорить, королева-мать не имела достаточного опыта в борьбе с зарвавшейся челядью, и оба её сына в своё время из-за этого пострадали. Когда же черёд дошёл до юного Рафаэля, история повторилась. Нет людей совершенных: королева-мать, при всём её старании, тоже имела слабости.

Отец Джо, ставший архиепископом в восемь лет, тоже знал толк в подобном:

— Я называю это испытанием. Пройдёшь — станешь аристократом среди аристократов. Не пройдёшь — останешься аристократом, но бедным да слабым.

Август не стал расспрашивать, через что прошёл отец Джо, — он по-прежнему считал того незаконнорожденным сыном какого-то кардинала. Жизнь бастардов в Средние века была незавидной. Святость и нерасторжимость брака обеспечивали законным детям все права, тогда как бастардам оставалось лишь смириться со своей участью — либо возненавидеть весь мир.

— В крайнем случае, мы можем направить подозрения на других, — давно продумала Джули. — Например, на Рафаэля или твоего дядю.

— На дядю? Да быть не может! Кто ж поверит? — Август рассмеялся.

Четыре года спустя жизнь жестоко над ним посмеялась.

— Нам необходимо знать, кто председатель. Скрывать нечего, верно? Даже если это сам король, я не удивлюсь.

— Я давно чуял неладное. Какой мужчина станет так часто жениться да разводиться?

— Не говоря уж о дурной наследственности.

На этом месте все замолчали, словно сговорившись. Дела покойного короля были запретной темой — не только потому, что нынешний государь не любил о нём вспоминать, но и потому, что все считали того отъявленным негодяем. Именно из-за его потворства любовникам, лезшим в государственные дела, Ричарду II теперь столько прощали. Да, тот был мошенником, но хотя бы умел управлять страной, не ввергая её в полный хаос.

Всё познаётся в сравнении.

Август некоторое время послушал из соседней комнаты, а затем ушёл — болтовня была пустой, просто развлечение. Возможно, участвуя активнее, он и проникся бы, но сейчас куда больше манила ночь за окном.

Августу уже исполнилось тринадцать, он стоял на пороге между ребёнком и отроком. Детская пухлость сошла, он вытянулся, а глаза, цвета моря и льда, по-прежнему оставались ясными. В нём была та особая, мимолётная прелесть, что присуща лишь этому возрасту, — незрелая, но уже манящая. Если верить внутреннему голосу Августа-теоретика, даже он сам, глядя на своё отражение, испытывал греховные позывы. Кто ж устоит?

Нашёлся один.

Рафаэль.

Они по-прежнему были близки, жили под одной крышей, но телесный контакт становился всё скупее, и Август начал подозревать, не страдает ли Рафаэль какой-то формой боязни мужчин. Стоило им приблизиться друг к другу, как Рафаэль тут же ловко отстранялся.

Во всём же остальном он относился к Августу безупречно, не оставляя ни малейшего повода для недовольства.

Сегодня Рафаэля срочно вызвали ко двору — Ричард II, видимо, вновь возжелал чего-то экстравагантного. Август же отправился с отцом Джо и Джули на собрание общества.

Слушая вечные препирательства, он размышлял, как же всё разрешить. Ему уже тринадцать — в глазах многих аристократов возраст подходящий для брака, так что, пожалуй, пора перестать скрываться.

Август старался держаться подальше от людных мест — не ровен час, наткнёшься на чьего-нибудь слугу и выдашь себя раньше времени.

И всё же...

Он наткнулся на рыжеволосую Анну. Девушка сидела на ступеньках заднего крыльца и горько, самозабвенно плакала.

<http://bllate.org/book/15929/1424229>